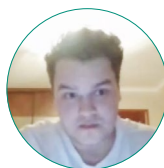

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2653](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653)**А. В. Демьяненко, О. А. Демидова, Д. В. Громов****ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ
НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЯН ЖИЗНЬЮ****Правильная ссылка на статью:**

Демьяненко А. В., Демидова О. А., Громов Д. В. Влияние региональных государственных расходов на удовлетворенность россиян жизнью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 101—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653>.

For citation:

Demyanenko A. V., Demidova O. A., Gromov D. V. (2025) The Effect of Regional Government Expenditures on the Life Satisfaction of Russian Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 101–125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653>. (In Russ.)

Получено: 10.07.2024. Принято к публикации: 03.03.2025.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЯН ЖИЗНЬЮ

ДЕМЬЯНЕНКО Артем Владимирович — старший преподаватель департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ademyanenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7443-1338>

ДЕМИДОВА Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: demidova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

ГРОМОВ Даниил Владиславович — специалист управления инвестиционного анализа и финансовых рисков, ООО «Газпром энергохолдинг», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: daniil_gromov1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1786-6917>

Аннотация. В работе рассматриваются факторы, влияющие на субъективную удовлетворенность россиян жизнью. Исследование отличает использование в качестве объясняющих переменных социально ориентированных расходов консолидированных бюджетов регионов России (расходы на образование, здравоохранение и социальную политику) наряду с традиционными социально-демографическими характеристиками индивидов. Для анализа используются панельные данные, полученные путем объединения результатов общенациональных выборочных обследований индивидов РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2015—2022 гг. и региональной статистики Росстата за 2010—2021 гг. В качестве инструмента эконометрического анализа применяется упорядоченная

THE EFFECT OF REGIONAL GOVERNMENT EXPENDITURES ON THE LIFE SATISFACTION OF RUSSIAN CITIZENS

*Artem V. DEMYANENKO*¹ — Senior Lecturer, Department of Applied Economics
E-MAIL: ademyanenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7443-1338>

*Olga A. DEMIDOVA*¹ — Doc. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Phys. and Math.), Professor
E-MAIL: demidova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

*Daniil V. GROMOV*² — Specialist in Investment Analysis and Financial Risk Management
E-MAIL: daniil_gromov1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1786-6917>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Gazprom Energoholding, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This paper examines the factors influencing Russians' subjective life satisfaction. A distinctive feature of the study is the use of socially oriented expenditures of the consolidated budgets of Russian regions (expenses on education, healthcare, and social policy) along with traditional socio-demographic characteristics of individuals as explanatory variables. The analysis uses panel data obtained by combining the results of national sample surveys of individuals in the RLMS of the HSE University for 2015–2022 and regional statistics of Rosstat for 2010–2021. An ordered probit model with random individual effects and fixed time effects for panel data is used as an econometric analysis tool. Due to a possible delay in the return on variable budget expenditures, the authors consider model spec-

пробит-модель со случайными индивидуальными эффектами и фиксированными временными эффектами для панельных данных. В связи с возможной задержкой отдачи от переменных бюджетных расходов авторы рассматривают спецификации модели с различным числом временных лагов данных показателей.

Полученные результаты свидетельствуют, что положительный эффект на удовлетворенность жизнью оказывают расходы на образование (в долгосрочном периоде) и расходы на здравоохранение (в краткосрочном и долгосрочном периоде), при этом для расходов на социальную политику выявлен либо отрицательный краткосрочный эффект, либо его отсутствие в зависимости от спецификации модели.

Ключевые слова: государственные расходы, российские регионы, удовлетворенность жизнью, благосостояние, региональный бюджет

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ifications with different numbers of time lags for these indicators.

The results obtained indicate that spending on education (in the long term) and spending on healthcare (in the short and long term) have a positive effect on life satisfaction, while either negative short-term or no significant impact of spending on social policy was identified depending on the model specification.

Keywords: government expenditures, Russian regions, life satisfaction, welfare, regional budget

Acknowledgments. This article is the output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Изменения в фискальной политике государства могут оказывать влияние на различные аспекты экономики. Одним из инструментов фискальной политики являются государственные расходы. Их увеличение или уменьшение можно рассматривать исключительно с точки зрения стимулирования или замедления темпа роста экономики, однако изменение бюджетных расходов в контексте социального обеспечения и политической стабильности также представляется нам актуальным. Существует множество научных работ, посвященных изучению влияния различных демографических и социальных факторов, оценочных суждений респондента на субъективную оценку благосостояния человека [Андрееенкова, 2010; Тихонова, 2014; Ласточкина, 2012; Соболева, 2020; Wurm, Tomasik, Tesch-Römer, 2008; Röcke, Lachman, 2008], однако политическим или макроэкономическим показателям в них обычно уделяется не так много внимания.

Высокая степень удовлетворенности жизнью среди граждан способствует большому доверию государственным органам [Liu, Gao, Huang, 2020; Clench-Aas, Holte, 2021], в связи с чем правительство заинтересовано в проведении политики, которая бы положительно сказывалась на этом показателе. Об этом свидетельствуют различные стратегии и программы, реализуемые правительством Российской Федерации, которые направлены на повышение благосостояния своих граждан¹. В данной работе мы рассматриваем влияние социальных расходов консолидированных бюджетов российских регионов на субъективную оценку удовлетворенности жизнью граждан, проживающих в этих регионах. Расходы бюджета на образование, здравоохранение и социальную политику по своему определению направлены на повышение благосостояния индивидов, в связи с чем их изменение должно отражаться на результатах опросов, проводимых среди населения.

Распределение бюджетных средств является предметом продолжительных споров для многих государств, в связи с чем регулярно предпринимаются попытки изменить структуру бюджетов с целью достижения максимального экономического эффекта. Несмотря на то что до сих пор не было найдено единого правильного подхода к распределению государственных расходов, разработано множество теоретических моделей и эмпирических исследований, которые исследуют зависимости макро- и микропоказателей от величины и структуры государственных расходов. Например, исследования ряда авторов [Devarajan, Swaroop, Zou, 1996; Балаев, 2018] сосредоточены на классификации бюджетных статей в соответствии с их предназначением и детализацией, что задает новые вопросы и раскрывает новые возможности для дальнейших исследований.

Наша статья представляет эмпирические результаты исследования взаимосвязи между государственными расходами и удовлетворенностью граждан жизнью. Исследование имеет целью помочь определить области, в которых государственная политика может быть улучшена для комплексного удовлетворения потребностей граждан. Более того, изучая влияние государственных расходов на региональном уровне, исследование способно помочь выявить региональные различия в экономическом развитии и социальных показателях в России, которые могут лежать в основе политики регионального развития.

Обзор литературы

В литературе, посвященной изучению уровня и условий жизни населения, используется несколько взаимосвязанных, но все же различающихся понятий: качество жизни, благосостояние, субъективное благополучие, субъективные оценки благосостояния и удовлетворенность жизнью. Несмотря на внешнюю схожесть, эти концепты отражают различные аспекты жизнедеятельности и используются в рамках разных исследовательских подходов.

Существуют два основных подхода к изучению этих понятий: объективистский и субъективистский. Объективистский подход, как правило, применяется для моделирования качества жизни и объективного благосостояния. В его рамках используются интегральные показатели, основанные на объективных соци-

¹ В качестве примера можно привести реализацию национальных проектов. URL: [национальныепроекты.рф](https://naциональнЫепроекты.рф) (дата обращения 21.04.2025).

ально-экономических характеристиках: уровень доходов, ВВП или ВРП на душу населения, уровень безработицы, доступность образования и медицинских услуг и др. Эти показатели варьируются как между странами, так и между регионами внутри одного государства.

В отличие от него, субъективистский подход фокусируется на том, как сами индивиды оценивают свою жизнь. В рамках данного подхода анализируются субъективные оценки благосостояния, то есть личное восприятие людьми своего материального положения, социального статуса и других аспектов, связанных с уровнем жизни. Более широкое понятие — субъективное благополучие, которое включает в себя не только оценки благосостояния, но и общее восприятие человеком своей жизни. Оно состоит из нескольких компонентов, одним из них является когнитивный аспект — удовлетворенность жизнью.

Таким образом, удовлетворенность жизнью представляет собой когнитивный компонент субъективного благополучия, а не синоним ни качества жизни, ни благосостояния. Исследования в рамках субъективистского подхода, как правило, базируются на данных социологических опросов, позволяющих зафиксировать индивидуальные оценки и переживания.

Сложно однозначно ответить на вопрос, какой из двух вышеупомянутых подходов — объективистский или субъективистский предпочтителен. С одной стороны, в российской литературе широкое распространение получили исследования объективной оценки качества жизни, основоположником которых является С. А. Айвазян [Айвазян, 2003; Айвазян, Исакин, 2006; Айвазян, Степанов, Козлова, 2006; Айвазян, 2012; Айвазян, Афанасьев, Кудров, 2016], что, вероятно, связано с историческим наследием советской научной школы, ориентированной на количественные социально-экономические показатели.

С другой стороны, начиная с 2000-х годов в международной и отечественной литературе получили активное развитие исследования, основанные на субъективных оценках удовлетворенности жизнью или счастья. Эти показатели рассматриваются как индикаторы субъективного благополучия, а также применяются в дополнение к объективным характеристикам качества жизни. Так, Р. Вееenhooven приводит убедительные аргументы, основанные на международных опросных данных, в пользу использования субъективной оценки счастья и удовлетворенности жизнью в качестве валидной метрики для оценки эффективности государственной политики [Veenhoven, 2004]. Б. Фрей и А. Штутцер также подчеркивают значимость субъективных индикаторов, поскольку они позволяют напрямую зафиксировать индивидуальное восприятие результатов государственной деятельности, минуя необходимость опираться на модели рационального поведения или иные предпосылки экономической теории [Frey, Stutzer, 2011].

В настоящей работе мы фокусируемся именно на субъективной оценке — оценке удовлетворенности жизнью респондента, в связи с этим рассмотрим исследования, где, как правило, анализируется влияние индивидуальных характеристик индивидов и экономических показателей.

Например, в статье Н. Соболевой используются данные опроса ЦЕССИ, который проводился среди граждан, проживающих в 38 регионах России в 2019 г. Из полученных оценок параметров многоуровневой логит-модели автор сдела-

ла вывод, что эффект на удовлетворенность жизнью от удовлетворенности работой значительно различается в зависимости от региона, пола, типа населенного пункта, уровня образования и семейного положения [Соболева, 2020]. Стоит отметить, что в работе в качестве независимых переменных использовались только индивидуальные характеристики респондентов [там же]. В более раннем исследовании А. Андреевской анализировались факторы, влияющие на удовлетворенность жизнью, с использованием данных опросов, проводимых ЦЕССИ с 1991 по 2006 г. [Андреевская, 2010]. Отличительной особенностью данной статьи является использование в модели субъективных оценок макроэкономических показателей: состояния экономики, правительства и системы здравоохранения. Автор обнаруживает, что подобные переменные значимо влияют на удовлетворенность жизнью респондентов.

Н. Тихонова выявляет факторы, определяющие степень удовлетворенности жизнью, с помощью кластерного анализа. Источником данных выступает опрос Института социологии РАН, проведенный в 2014 г. [Тихонова, 2014]. Автором было показано, что во многом высокий уровень удовлетворенности определяется скорее социальными, а не материальными факторами, такими как хорошие отношения в семье и с друзьями. В свою очередь, материальные или физиологические потребности — хорошее питание, наличие жилья, возможность приобрести одежду и т. п. — влияют на удовлетворенность жизнью только до момента их соответствия некоторому минимальному стандарту [там же].

Отметим исследование А. Бонини, проведенное на данных опроса World Values Survey в разрезе по 80 странам. В базовой модели, учитывающей только случайные эффекты по рассматриваемым странам, автор приходит к выводу, что 81 % дисперсии среднего значения удовлетворенности жизнью в стране вызвано индивидуальными характеристиками респондентов, а 19 % — агрегированными социально-экономическими показателями государства [Bonini, 2008]. При этом наибольшая неоднородность ответов наблюдается на региональном уровне внутри стран. Дополнительно в работе представлены четыре многоуровневые модели, включающие как индивидуальные, так и страновые переменные. Первая модель содержит данные по регионам и индивидуальные показатели, а следующие три последовательно добавляют: ВВП на душу населения, индекс человеческого развития и индекс экологической устойчивости. Анализ этих моделей показал, что регионы объясняют 54 % межстрановых различий в удовлетворенности жизнью. Добавление таких страновых переменных, как ВВП на душу населения и индекс человеческого развития, увеличивает объясненную дисперсию на 10 %, тогда как экологическая устойчивость — лишь на 2 %. На индивидуальном уровне наблюдается, что в странах с более высоким уровнем ВВП, индекса человеческого развития или индекса экологической устойчивости положительное влияние дохода на удовлетворенность жизнью снижается, тогда как негативное влияние безработицы, наоборот, усиливается. Также в этих странах более выражен положительный эффект брака на удовлетворенность жизнью.

Отдельно стоит выделить ряд зарубежных исследований, где рассматривается влияние социально ориентированных бюджетных расходов на субъективную оценку удовлетворенности жизни граждан. К. Котакорпи и Дж. Лааманен объедини-

ли данные опроса об удовлетворенности жизнью населения World Values Survey в Финляндии за 2000 г. и данные по государственным расходам на здравоохранение по муниципалитетам [Kotakorpi, Laamanen, 2010]. В ходе исследования была оценена упорядоченная пробит-модель с традиционным набором индивидуальных характеристик респондентов и дополнительным блоком контрольных переменных, характеризующих экономическое положение муниципалитетов. Полученные оценки подтвердили положительный эффект на удовлетворенность жизнью от увеличения государственных расходов на первичное, но не специальное здравоохранение. Авторы объясняют это тем, что, во-первых, муниципалитеты имеют финансовую автономию именно в области первичных медицинских услуг, а во-вторых, первичная медицинская помощь является наиболее важным аспектом для среднего респондента.

К. Касмауи и О. Бурхаба провели анализ влияния бюджетных расходов на субъективную оценку счастья, используя панельные данные по 132 странам с 2006 по 2015 г. [Kasmaoui, Bourhaba, 2017]. Зависимой переменной выступал усредненный по всей стране ответ респондентов на вопрос о субъективной оценке удовлетворенности жизнью. В качестве объясняющих переменных авторы включили в модель различные общестрановые характеристики, в том числе общий объем государственных расходов и объем расходов на социальную поддержку. Авторы отмечают, что в отличие от предыдущих исследований им удалось найти положительную связь между бюджетными расходами и удовлетворенностью жизнью. Однако необходимо учитывать, что в этом исследовании проводилось усреднение опросных данных индивидуального уровня.

О. Нордхайм и П. Мартинуссен также изучали вопрос влияния различных типов социальных бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью [Nordheim, Martinussen, 2020]. При этом используемые данные имели схожую структуру с той, которую мы применяем в настоящей работе. Авторы объединили в панель экономические данные по странам ОЭСР и результаты опросов World Values Survey и Eurobarometer с 1980 по 2012 г. В работе показано, что агрегированные социально ориентированные расходы бюджета не оказывают значимого эффекта на удовлетворенность жизнью респондентов. Как предполагают авторы, подобный результат связан с тем, что отдельные компоненты социальных расходов оказывают разнонаправленный эффект на зависимую переменную. Это предположение подтверждается дальнейшей оценкой модели отдельными категориями социальных государственных расходов. В результатах оценки итоговой модели продемонстрирована положительная связь между субъективной оценкой удовлетворенности жизнью и расходами на здравоохранение и расходами, направленными на уменьшение бедности.

Также стоит отметить работу У. Акара и А. Тиргила, где авторы изучали эффект государственных расходов на душу населения на уровне провинций Турции на удовлетворенность жизнью граждан в 2013 г. [Acar, Tirgil, 2022]. Среди статей бюджетных расходов были выделены три категории: расходы на образование, здравоохранение и отдых (рекреацию). Особенно интересным представляется решение рассматривать величину расходов не в год опроса, а их накопленную сумму за пять лет до года проведения опроса. Авторы аргументируют это тем, что с момента вы-

деления бюджетных инвестиций до их реализации и эффекта на общество проходит более одного года. Одним из недостатков работы называется отсутствие доступа к панельной структуре опросных данных, в связи с чем на кросс-секции были оценены обычная модель линейной регрессии и упорядоченная пробит-модель. Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии всех рассматриваемых категорий бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью граждан Турции.

В отечественной литературе тоже можно найти исследования, посвященные моделированию субъективной удовлетворенности жизнью с использованием региональных данных. Например, в работе Э. Камалова и Э. Понарина анализируется влияние на удовлетворенность жизнью мигрантов экономического благополучия регионов России (валового регионального продукта), социального капитала (среднего уровня доверия и числа мигрантов-соотечественников), институциональной интеграции (членства страны исхода мигранта в Таможенном союзе/ЕАЭС), а также ряда демографических показателей респондентов [Камалов, Понарин, 2020]. Авторы использовали панельные данные Росстата и РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994—2017 гг. В качестве основного метода анализа применялась кросс-классифицированная многоуровневая линейная регрессия. Результаты показывают, что экономическое развитие региона само по себе не влияет значительно на удовлетворенность жизнью мигрантов. Более важную роль играют социальные факторы: средний уровень доверия и присутствие соотечественников в регионе оказывают положительное и статистически значимое влияние.

Очень близким к нашей статье является исследование А. Климовой и К. Чмеля [Климова, Чмель, 2020]. Авторы оценили эффект неравенства на удовлетворенность жизнью в регионах России с учетом возможной компенсации эффекта за счет социальной политики, проводимой в регионах. Под проводимой социальной политикой, как и в нашем исследовании, подразумевались расходы консолидированных бюджетов регионов на образование, здравоохранение и социальную политику. Для проверки своих гипотез авторы использовали байесовский подход к оценке многоуровневой регрессионной модели на данных упомянутого выше опроса населения, проведенного ЦЕССИ, и региональной статистики Росстата за 2018—2019 гг. Полученные результаты свидетельствуют о прямом положительном эффекте региональных расходов на образование и здравоохранение на субъективную оценку удовлетворенности жизни. Хотя в нашем исследовании мы и не затрагиваем вопросы неравенства, предполагаем, что оно может дополнить аспект прямого влияния региональных расходов на субъективную оценку удовлетворенности жизнью за счет использования панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Также в нашей работе будут использоваться величины расходов на душу населения, а не доли расходов по соответствующим статьям в общих расходах региона.

Подводя итог обзора литературы, можно заметить, что ряд факторов, таких как финансовое положение, семейное положение, здоровье и т. п., в той или иной форме упоминается почти во всех работах. При этом государственные расходы в социальной сфере действительно могут быть связаны с ощущением удовлетворенности жизни как напрямую, так и косвенно через индивидуальные показатели, определяющие благополучие граждан.

Подчеркнем: в нашем исследовании мы будем моделировать именно субъективную оценку уровня удовлетворенности жизнью граждан России с использованием опросных данных. Также отметим, что в рассмотренных отечественных исследованиях авторы приходят к выводу, что факторы, на которые правительство может оказывать влияние, действительно связаны с удовлетворенностью жизнью.

Мы планируем проверить следующие гипотезы:

1. Государственные расходы на образование оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.
2. Государственные расходы на здравоохранение оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.
3. Государственные расходы на социальную политику оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.

Данные и модель

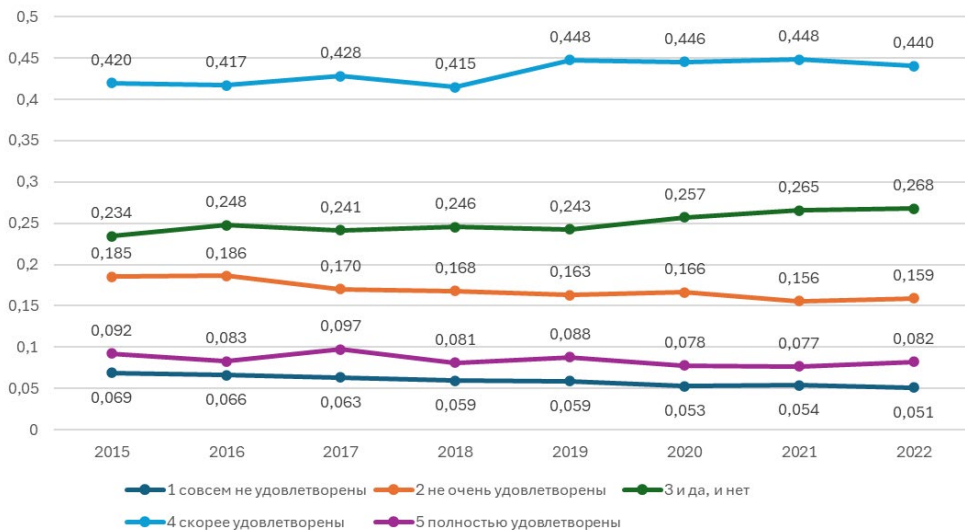
Для проверки гипотез в данной работе используется два источника данных: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) и сборник «Регионы России», ежегодно публикуемый Федеральной службой государственной статистики. Индивидуальный опросник РМЭЗ позволяет получить информацию о демографических характеристиках граждан и их субъективную оценку степени удовлетворенности жизнью, а сборник Росстата — статистику социальных расходов консолидированных бюджетов регионов, в которых проживают индивиды, проходившие опрос РМЭЗ. В результате данные из двух источников были объединены в несбалансированную панель, охватывающую временной период с 2015 по 2022 г. При использовании панельных данных некоторые респонденты будут попадать в итоговую выборку на протяжении нескольких лет, а их индивидуальные характеристики, например уровень образования, тип населенного пункта или количество детей, могут слабо изменяться во времени. За счет этого полученные оценки коэффициентов и предельных эффектов по соответствующим переменным могут быть смещены в пользу индивидов, которые наиболее долго наблюдались в панели. Однако используемые нами бюджетные расходы агрегируются на региональном уровне и их величина одинакова для всех индивидов, проживающих в одном и том же субъекте РФ. Но при этом объем расходов сильно варьируется во времени и от региона к региону, в связи с чем для получения адекватных оценок коэффициентов при интересующих нас переменных государственных расходов желательно учитывать в выборке максимально доступное количество респондентов. Имея в виду опыт упомянутых в обзоре литературы схожих зарубежных исследований [Bonini, 2008; Kotakorpi, Laamanen, 2010; Nordheim, Martinussen, 2020], а также возможность использовать временные лаги бюджетных расходов, в нашей работе мы решили использовать именно панельную структуру данных.

В качестве зависимой мы использовали переменную «удовлетворенность жизнью», измеряемую по шкале от 1 до 5, где 1 соответствует ответу «совсем не удовлетворены», а 5 — ответу «полностью удовлетворены». На рисунке 1 приведены распределения ответов респондентов за каждый рассматриваемый год. Наиболее многочисленную группу представляют индивиды с ответом «скорее удовле-

творен». Также можно выделить некоторый временной тренд к среднему увеличению удовлетворенности жизнью: доля ответов, соответствующая четвертой категории, во все годы остается стабильно высокой при уменьшении доли ответов в категориях 1 и 2.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» за 2015—2022 гг.

Динамика долей каждого варианта ответа в 2015–2022 гг.

Примечание: на вертикальной оси указана доля от всех полученных ответов.

Далее приведем описание блока индивидуальных независимых переменных.

Зарботная плата. Непрерывная переменная, отражает ответ на вопрос: «Какой была Ваша среднемесячная зарплата?» Для приведения к виду, сопоставимому как во времени, так и между регионами, заработная плата была скорректирована на инфляцию с помощью индекса потребительских цен, а также по паритету покупательной способности².

Тип населенного пункта. Набор бинарных переменных. В качестве базовой категории используется село, ПГТ (1 соответствует поселку городского типа), Город (1 соответствует городу, кроме областного центра), Региональный центр (1 соответствует столице региона).

Семейное положение. Бинарная переменная, 1 соответствует индивидам, находящимся в браке или проживающим совместно, 0 — иначе.

Дети до 18 лет. Непрерывная переменная, соответствующая количеству детей в возрасте до 18 лет.

² Соответствующие данные были взяты из сборника Росстата «Регионы России». В качестве базового года использован 2014. Коррекция по ППС проводилась путем деления переменной на стоимость потребительской корзины в регионе проживания индивида по отношению к среднероссийской.

Дети старше 18 лет. Непрерывная переменная, соответствующая количеству детей в возрасте старше 18 лет (включительно).

Уровень образования. Набор бинарных переменных. В качестве базовой категории подразумевается наличие любого уровня образования ниже среднего, *Среднее образование* (1 соответствует индивидам, получившим диплом о среднем образовании), *Высшее образование* (1 соответствует индивидам, получившим диплом о высшем образовании).

Пол. Бинарная переменная, 1 соответствует мужчинам, а 0 — женщинам.

Возраст. Непрерывная переменная, отражающая возраст респондента. В построенных моделях также подразумевается квадратичная зависимость удовлетворенности жизнью от возраста.

Оценка состояния здоровья. Бинарная переменная, отражает ответ на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше здоровье?». 1 соответствует вариантам ответа «Очень хорошее», «Хорошее», «Среднее, не хорошее, но и не плохое», 0 — вариантам ответа «Плохое» и «Очень плохое».

Теперь приведем описание блока переменных государственных расходов в регионах.

Расходы на образование. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на образование, выраженная в тысячах рублей на душу населения.

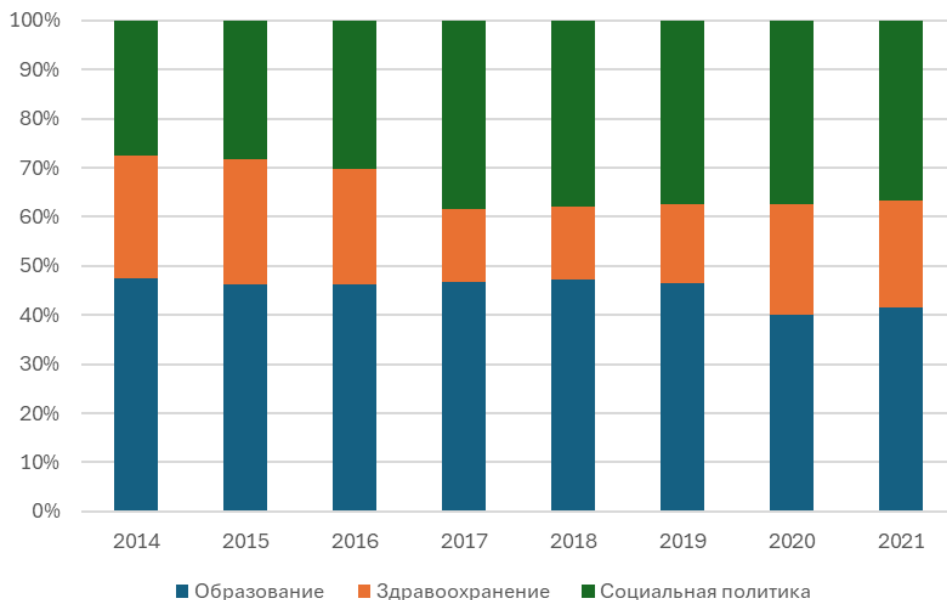
Расходы на здравоохранение. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на здравоохранение, выраженная в тысячах рублей на душу населения. Заметим, что помимо расходов непосредственно на здравоохранение в данной статье бюджетных расходов Росстат дополнительно учитывает расходы на физкультуру и спорт.

Расходы на социальную политику. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на социальную политику, выраженная в тысячах рублей на душу населения.

Для приведения к сопоставимому виду все переменные бюджетных расходов были скорректированы на инфляцию и по паритету покупательной способности (по аналогии с заработной платой респондентов). На рисунке 2 представлена динамика структуры социальных статей бюджетных расходов в среднем по всем субъектам РФ. Можно отметить некоторое сокращение доли расходов на здравоохранение в 2017—2019 гг. за счет увеличения расходов на социальную политику, которое потенциально может быть связано со средним увеличением удовлетворенности жизнью, описанным ранее на рисунке 1. Однако следует уточнить, что российские регионы сильно варьируются как по величине, так и по структуре государственных расходов. Например, в 2021 г. расходы бюджета на образование на душу населения в Волгоградской области составили примерно 15 тыс. рублей, а в Республике Якутия — 87,6 тыс. рублей. Аналогичный разброс можно наблюдать и в расходах на здравоохранение: Ставропольский край — 5,7 тыс. рублей, Магаданская область — почти 58 тыс. рублей. Наименьшее значение расходов на социальную политику на душу населения составило около 13 тыс. рублей в Республике Татарстан, в то время как в Камчатской области оно оказалось равным 50 тыс. рублей. Описательные статистики по всем использованным пе-

ременным представлены, а также вариация средней удовлетворенности жизнью и переменных бюджетных расходов по всем рассматриваемым годам приведены в таблицах 1—2 [Приложения к статье](#).

Рис. 2. Структура расходов консолидированных бюджетов по статьям «образование», «здравоохранение», «социальная политика» в среднем по всем регионам России за 2014—2021 гг.

Поскольку рассматриваемая нами зависимая переменная является категориальной и естественным образом ранжируется по степени удовлетворенности жизнью, для проведения эконометрического анализа будет использоваться упорядоченная пробит-модель [Hsiao, 2014]. Для формальной записи модели, как правило, используется понятие латентной переменной, которая линейно зависит от набора регрессоров и связана с реально наблюдаемыми ответами индивидов на вопрос:

$$y_{it}^* = x_{it}'\beta + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$y_{it}^* = \begin{cases} 1, & y_{it}^* \leq c_1 \\ 2, & c_1 < y_{it}^* \leq c_2 \\ 3, & c_2 < y_{it}^* \leq c_3 \\ 4, & c_3 < y_{it}^* \leq c_4 \\ 5, & c_4 < y_{it}^* \end{cases} \quad (2)$$

где y_{it}^* — значение непрерывной латентной переменной i -го респондента в момент t , которое можно интерпретировать как некоторое общее восприятие действительности, на основе которого индивид принимает решение о своей дискретной оценке степени удовлетворенности жизнью в рамках предложенных вариантов отве-

тов; x'_{it} — вектор значений независимых переменных i -го респондента в момент t ; μ_i — случайные индивидуальные эффекты, независимые и одинаково распределенные, $\mu_i \sim N(0, \sigma_\mu^2)$, γ_t — временной эффект; ε_{it} — случайные ошибки, $\varepsilon_{it} \sim N(0, 1)$ некоррелированные с индивидуальными эффектами. Набор пороговых значений отсеечения $c_1, \dots, c_4$ определяется при дальнейшей оценке уравнения регрессии. Тогда предлагаемую модель можно записать следующим образом:

$$P(y_{it} > k | c, x_{it}, \mu_i) = \Phi(x'_{it}\beta + \mu_i + \gamma_t - c_k), \quad (3)$$

где y_{it} — наблюдаемый ответ о степени удовлетворенности жизнью i -го респондента в момент t , k — набор возможных значений зависимой переменной от 1 до 5, c — набор пороговых значений для латентной переменной, Φ — кумулятивная функция стандартного нормального распределения. Далее модель оценивалась методом максимального правдоподобия [Scrandal, Rabe-Hesketh, 2004].

Результаты

В первую очередь отметим, что расходы на образование и здравоохранение могут носить долгосрочный инвестиционный характер, о чем также упоминали У. Акар и А. Тиргил и использовали в своем исследовании сумму расходов, накопленную за пять лет [Acar, Tirgil, 2022]. В своей статье М. Колосницына и Ю. Ермолина рассматривали эффект расходов на образование на экономический рост на примере стран ОЭСР [Колосницына, Ермолина, 2021]. Результаты показали, что положительный и значимый эффект данной статьи бюджетных расходов наблюдался с задержкой в пять и десять лет. В связи с этим в нашей работе представлены оценки двух моделей. В первой модели используются переменные расходов с лагом в один год, что отражает их краткосрочный эффект. Во второй же модели мы пытаемся уловить более долгосрочные эффекты государственных расходов и используем лаги более высокого порядка. При этом итоговое количество включенных лагов второй модели подбиралось исходя из здравого смысла и значений информационных критериев Акаике и Шварца. Также в рассматриваемый нами временной интервал попадает шок пандемии COVID-19, в связи с чем каждая модель оценивалась на трех временных периодах: полном с 2015 по 2022 г., предшествующем пандемии с 2015 по 2019 г. и пандемийном с 2020 по 2021 г.

Поскольку мы используем нелинейные модели, для интерпретации полученных результатов необходимо рассчитать предельные эффекты по всем независимым переменным для каждого возможного значения зависимой категориальной переменной. Величины средних предельных эффектов представлены в таблицах 3—5 [Приложения](#). Для расчетов использовался специальный блок команд статистического пакета STATA, одним из преимуществ которого является возможность расчета предельных эффектов для переменных, зависимость от которых имеет нелинейный вид. В нашем случае мы использовали достаточно распространенное предположение о квадратичной зависимости латентной переменной от возраста. Интерпретация предельных эффектов схожа с обычными моделями бинарного выбора: единичное увеличение независимой переменной изменяет вероятность ответа респондента, указанного в столбце «категория», на величину соответствующего предельного эффекта.

В первую очередь обратим внимание на предельные эффекты для основных переменных — расходов региональных бюджетов. Результаты показывают, что предельный эффект по первому лагу расходов на образование в модели с одним лагом и по четвертому лагу расходов на образование в модели с несколькими лагами является отрицательным для вариантов ответов 1—3 и положительным для значений 4—5 (см. табл. 3 [Приложения](#)). Таким образом, можно сделать вывод, что увеличение расходов бюджета на образование снижает вероятность ответов «совсем неудовлетворены», «не очень удовлетворены», «и да, и нет» и повышает вероятность ответов «скорее удовлетворены», «полностью удовлетворены», что подразумевает положительное влияние расходов на образование на зависимую переменную.

В рамках наших моделей под краткосрочным эффектом мы подразумеваем значимые величины предельных эффектов по первому лагу бюджетных расходов. Аналогично под долгосрочным эффектом — значимые предельные эффекты при третьем и четвертом лагах расходов. Тогда можно сказать, что в краткосрочном периоде наблюдается положительный эффект на удовлетворенность россиян жизнью от роста расходов на образование. Однако первый лаг расходов на образование является незначимым, и положительное влияние на зависимую переменную наблюдается только для четвертого лага данной переменной (см. табл. 4 [Приложения](#)). Таким образом, мы можем говорить о долгосрочном эффекте отдачи от расходов на образование.

Используя аналогичные рассуждения относительно знаков предельных эффектов, можно сделать вывод, что первый и третий лаги государственных расходов на здравоохранение положительно влияют на удовлетворенность жизнью. Примечательно, что расходы бюджета на социальную политику либо не оказывают значимого эффекта вовсе, либо наблюдается отрицательный эффект в зависимости от спецификации модели и временного периода.

Дополнительно отметим, что в модели, оцененной на пандемийном временном интервале (2020—2021 гг.), расходы на образование не оказывают значимого эффекта на удовлетворенность жизнью, для расходов на здравоохранение наблюдается только краткосрочный положительный эффект. Также в этой модели возрастает величина предельного эффекта для субъективной оценки состояния здоровья. Это может свидетельствовать о том, что в рассматриваемый период восприятие респондентов в большей степени формировалось под воздействием информационного фона, связанного с мерами по укреплению системы здравоохранения в условиях пандемии, а также личного ощущения хорошего состояния здоровья.

Чтобы детальнее продемонстрировать влияние расходов на образование и здравоохранение, для модели с несколькими лагами государственных расходов (правая часть табл. 3 [Приложения](#)), мы рассчитали усредненные предсказанные вероятности ответов 1—5 на вопрос об удовлетворенности жизнью (напоминаем, что 1 соответствует ответу «совсем не удовлетворены», а 5 — ответу «полностью удовлетворены») при средних, минимальных и максимальных значениях расходов на образование и медицину. Результаты этих расчетов приведены в таблице 1. Интересно отметить, что увеличение расходов на образование в краткосроч-

ном периоде увеличивает вероятность ответов «4» и «5» приблизительно на 2 п. п., а в долгосрочном периоде — приблизительно на 5 п. п. В то же время увеличение расходов на здравоохранение в краткосрочном периоде увеличивает вероятность ответов «4» и «5» приблизительно на 17 п. п., а в долгосрочном периоде — приблизительно на 8 п. п.

Таблица 1. Усредненные прогнозные вероятности для минимальных, средних и максимальных значений переменных расходов в модели с несколькими лагами расходов, оцененной на полном временном периоде

Минимальные, средние и максимальные значения лагов расходов на душу населения в тыс. руб.	Прогнозные вероятности					
	$\hat{P}(Y=1)$	$\hat{P}(Y=2)$	$\hat{P}(Y=3)$	$\hat{P}(Y=4)$	$\hat{P}(Y=5)$	$\hat{P}(Y=4) + \hat{P}(Y=5)$
Расходы на образование (первый лаг) = 15529	0,035	0,138	0,261	0,480	0,085	0,565
Расходы на образование (первый лаг) = 5421	0,037	0,141	0,264	0,476	0,082	0,558
Расходы на образование (первый лаг) = 28336	0,033	0,134	0,258	0,486	0,089	0,575
Расходы на образование (четвертый лаг) = 15529	0,035	0,138	0,262	0,480	0,085	0,565
Расходы на образование (четвертый лаг) = 5421	0,040	0,148	0,269	0,467	0,077	0,544
Расходы на образование (четвертый лаг) = 28336	0,030	0,126	0,252	0,496	0,096	0,592
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 6601	0,035	0,138	0,262	0,480	0,084	0,564
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 151	0,042	0,153	0,273	0,460	0,072	0,532
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 29276	0,015	0,081	0,203	0,545	0,155	0,700
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 6601	0,036	0,139	0,263	0,479	0,084	0,562
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 151	0,039	0,146	0,267	0,469	0,078	0,548
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 29276	0,025	0,111	0,238	0,514	0,112	0,626

Что касается индивидуальных характеристик опрашиваемых индивидов, их влияние на удовлетворенность жизнью практически не различается между моделями. Среди остальных значимых факторов положительный эффект на зависимую переменную оказывает факт состояния в браке или совместное проживание, наличие детей, наличие образования, женский пол, субъективная оценка состояния здоровья. Среди группы переменных, отвечающих за тип населенного пункта, положительное влияние на удовлетворенность жизнью наблюдается только для индивидов, проживающих в поселках городского типа. Также обратим внимание

на переменную «возраст»³. В обеих моделях предельный эффект для вариантов ответа 1—3 положительный, а для ответов 4—5 — отрицательный, то есть удовлетворенность жизнью уменьшается с увеличением возраста.

Таким образом, мы получили частичное подтверждение первой гипотезы: для расходов бюджета на образование наблюдается положительный долгосрочный эффект. Вторая гипотеза подтвердилась, а третья гипотеза не получила эмпирического подтверждения.

В отличие от остальных переменных (процент пропусков по которым составляет менее 1 %), по заработной плате присутствует порядка 50 % пропущенных ответов. Для проверки устойчивости оценок к пропущенным значениям мы использовали метод *modified zero-order regression*, предложенный У. Грином [Greene, 2017]. Он заключается в создании дамми-переменной, равной 1, для пропущенных наблюдений и 0 — для всех остальных наблюдений, все пропущенные значения в переменной «зарплата» при этом заменяются на 0. Далее по всем наблюдениям оценивается аналогичная модель с включением созданной дамми. Знак и значимость коэффициентов в наших моделях в таком случае сохраняются, из чего можно сделать вывод, что наши оценки устойчивы к пропускам.

В заключение этой части исследования отметим, что в ходе работы был оценен ряд вспомогательных моделей. В нашей выборке присутствуют женщины, находящиеся в декретном отпуске, так как в рамках ответа на вопрос о заработной плате в том числе подразумевается размер выплачиваемого пособия. Эта группа граждан может оказаться более чувствительной к социальным расходам, однако значимый положительный эффект удалось обнаружить только для первого и третьего лагов расходов бюджета на здравоохранение на периоде до пандемии COVID-19. В то же время в нашей выборке не учитываются неработающие пенсионеры, для которых социальная поддержка может оказаться достаточно важной. Для этой категории респондентов мы заменили заработную плату на объем среднемесячной пенсии и оценили аналогичные модели, однако выводы относительно эффектов бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью не изменились. В дополнение к этому, поскольку мы оценивали влияние именно региональных бюджетных расходов, особый интерес представляет исследование различий полученных оценок между регионами. Для этого были рассчитаны средние предельные эффекты отдельно по каждому субъекту РФ. Однако полученные оценки варьируются между регионами в пределах стандартной ошибки, то есть можно сказать, что эффект государственных расходов на используемых данных является однородным по регионам России.

Для того чтобы проверить робастность полученных результатов, мы дополнительно оценили многоуровневые модели с фиксированными эффектами для регионов (то есть варьировались свободные члены и коэффициенты наклона при переменных государственных расходов). Поскольку и в этом случае использовалась упорядоченная пробит-модель, для интерпретации полученных результатов были оценены предельные эффекты, приведенные в таблице 2⁴.

³ Во всех моделях в наборе независимых переменных использовались и возраст, и квадрат возраста.

⁴ Из-за естественных ограничений на объем статьи мы приводим только предельные эффекты при переменных государственных расходов.

Таблица 2. Средние предельные эффекты многоуровневой упорядоченной пробит-модели с несколькими лагами государственных расходов

Переменная	Категория	Предельный эффект	Стандартная ошибка	P-value
Расходы на образование (первый лаг)				
	1	–0,0007	0,0006	0,210
	2	–0,0017	0,0012	0,148
	3	–0,0015	0,0009	0,099
	4	0,0021	0,0016	0,184
	5	0,0017	0,0010	0,087
Расходы на образование (четвертый лаг)				
	1	–0,0012	0,0005	0,017
	2	–0,0023	0,0011	0,031
	3	–0,0016	0,0008	0,053
	4	0,0029	0,0014	0,043
	5	0,0021	0,0009	0,023
Расходы на здравоохранение (первый лаг)				
	1	–0,0009	0,0004	0,016
	2	–0,0018	0,0008	0,027
	3	–0,0012	0,0006	0,045
	4	0,0025	0,0011	0,029
	5	0,0015	0,0007	0,029
Расходы на здравоохранение (третий лаг)				
	1	–0,0006	0,0004	0,088
	2	–0,0011	0,0008	0,188
	3	–0,0004	0,0006	0,510
	4	0,0018	0,0011	0,113
	5	0,0004	0,0007	0,609
Расходы на социальную политику (первый лаг)				
	1	0,0013	0,0005	0,013
	2	0,0026	0,0012	0,026
	3	0,0016	0,0009	0,064
	4	–0,0038	0,0016	0,020
	5	–0,0018	0,0010	0,063

Полученные результаты близки к приведенным в таблице 3 [Приложения](#), только стали незначимыми средние предельные эффекты для третьего лага расходов на образование у значений зависимой переменной 2—5 (значимость предельного эффекта для $Y=1$ на 10% уровне значимости сохранилась). Это несколько ослабляет вывод о долгосрочном позитивном влиянии расходов на здравоохранение на степень удовлетворенности россиян жизнью.

Наши результаты в целом соотносятся с исследованием А. М. Климовой и К. Ш. Чмеля [Климова, Чмель, 2020]. Мы подтверждаем положительное влияние расходов на образование и здравоохранение на удовлетворенность жизнью. Причем панельная структура данных позволила определить, что расходы на образование оказывают именно долгосрочный эффект. Мы также подтверждаем положительное влияние расходов на здравоохранение в краткосрочном периоде, однако не можем сделать однозначный вывод относительно долгосрочного эффекта данной категории расходов, так как соответствующие предельные эффекты для многоуровневой модели незначимы. Примечательно, что в работе [Климова, Чмель, 2020] авторы показали отсутствие значимого эффекта расходов на социальную политику и отрицательный эффект взаимодействия расходов на социальную политику и восприятие неравенства. Результаты нашего исследования тоже говорят об отсутствии значимого влияния данной статьи бюджетных расходов либо об ее отрицательном влиянии. Также отметим, что предлагаемые нами модели позволяют получить оценки предельных эффектов, которые можно интерпретировать не только качественно, но и количественно. Что касается наших результатов для индивидуальных характеристик респондентов, то они вполне интуитивны и соотносятся, например, с исследованием Н. Э. Соболевой [Соболева, 2020]. Единственное отличие заключается в том, что наши оценки демонстрируют значимый эффект для типа населенного пункта, в котором проживает респондент.

Заключение

Авторы многих зарубежных работ уже приходили к выводу, что государственная политика отражается на субъективном восприятии качества жизни. Однако, на наш взгляд, показатели, которые бы демонстрировали эффекты политики правительства в подобных исследованиях, пока не имеют достаточно широкого освещения в отечественной литературе. В данной статье мы использовали оценку удовлетворенности жизнью, полученную из результатов опроса российских граждан, при этом дополнительно включив в модель показатели государственных расходов. Рассмотренные нами статьи бюджетных расходов «образование», «здравоохранение» и «социальная политика» являются социально ориентированными, в связи с чем было выдвинуто предположение об их непосредственном влиянии на качество и удовлетворенность жизнью граждан России. Наши гипотезы состояли в том, что каждая компонента социально ориентированных государственных расходов будет иметь значимый положительный эффект на удовлетворенность жизнью населения России в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Проведенный эконометрический анализ по данным опроса РМЭЗ за 2015—2022 гг. и данным расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2010—2021 гг. с использованием упорядоченных пробит-моделей для панельных данных показал, что:

- чем выше расходы на образование, тем выше степень удовлетворенности россиян жизнью в долгосрочном периоде;
- чем выше расходы на здравоохранение и спорт, тем выше степень удовлетворенности россиян жизнью в краткосрочном периоде, однако относительно долгосрочного периода нам сложно сделать однозначный вывод, так как

в многоуровневой модели мы не видим значимых предельных эффектов при переменной третьего лага расходов на здравоохранение,

- расходы на социальную политику либо не влияют на степень удовлетворенности россиян жизнью, либо влияют отрицательно в краткосрочном периоде.

Полученные результаты мы объясняем следующим образом. Образование играет ключевую роль в формировании жизненных перспектив человека. Оно влияет на карьерные возможности, уровень дохода, социальный статус и качество жизни в целом. Чем выше уровень образования, тем больше возможностей для самореализации, профессионального роста и достижения успеха. Это создает долгосрочную уверенность в будущем и повышает удовлетворенность жизнью. Кроме того, образование способствует развитию критического мышления, культуры и общей осведомленности, что также может повышать субъективную оценку качества жизни. Люди с высоким уровнем образования часто имеют более широкий кругозор, лучше понимают мир вокруг себя и могут находить смысл в своей деятельности.

Здоровье — это основа благополучия человека. Хорошее здоровье позволяет вести активный образ жизни, работать, наслаждаться досугом и поддерживать социальные связи. С одной стороны, влияние здравоохранения на удовлетворенность жизнью обычно имеет кратковременный характер. Если человек сталкивается с болезнью или травмой, медицинские услуги помогают ему восстановить здоровье и вернуться к нормальной жизни. Но после выздоровления этот эффект исчезает, и человек возвращается к своему обычному уровню удовлетворенности. С другой стороны, данная статья расходов подразумевает в том числе долгосрочные инвестиции, связанные с реновацией больниц и поликлиник, обновлением медицинского оборудования, эффект от которых может быть замечен только через какое-то время.

Негативный эффект или его отсутствие от расходов на социальную политику могут быть связаны с тем, что социальное обеспечение включает в себя различные программы поддержки населения, такие как пенсии, пособия по безработице, жилищные субсидии и другие формы социальной помощи. Эти меры направлены на поддержание минимального уровня жизни и предотвращение бедности. Они обеспечивают базовую безопасность, но не всегда способствуют повышению общего уровня удовлетворенности жизнью. Во-первых, социальное обеспечение часто воспринимается как временная мера, необходимая лишь до тех пор, пока человек не сможет самостоятельно обеспечить себе доход. Во-вторых, оно не связано с личностным ростом, профессиональным развитием или достижением целей, что важно для долгосрочной удовлетворенности жизнью. Также стоит отметить, что многие люди могут воспринимать социальное обеспечение как нечто вынужденное, связанное с трудностями или неудачами, и это может даже снижать самооценку и создавать чувство зависимости от государства.

Анализ выявил статистическую связь между более высокой удовлетворенностью жизнью россиян и следующими факторами:

- наличие семьи,
- наличие детей,
- наличие среднего, а еще лучше высшего образования,
- женский пол,

- юный возраст,
- хорошее состояние здоровья (по оценке респондента),
- высокая заработная плата,
- проживание в поселке городского типа, а не в городе, в том числе крупном.

Обсудим некоторые ограничения нашей работы. Несмотря на преимущества лонгитюдных исследований, использование панели может приводить к истощению выборки. Конкретные причины выбывания респондентов из выборки сложно определить и проконтролировать, и в случае данных РМЭЗ НИУ ВШЭ данный эффект может быть неслучайным. Если конкретные группы людей (например, с определенными социально-экономическими, демографическими или поведенческими характеристиками) чаще выбывают из исследования, оставшаяся выборка может стать нерепрезентативной для генеральной совокупности, что может приводить к смещению выборки и исказить результаты анализа. В нашем случае для моделей, оцениваемых на полном временном интервале 2015—2022 гг., один и тот же респондент в среднем участвовал в опросе 3,9 раза (минимум — 1 раз, максимум — 8 раз). В случае моделей, оцениваемых на периоде до пандемии COVID-19, — 3,1 раза (минимум — 1 раз, максимум — 5 раз), а во время пандемии эффект истощения наименее заметен: в среднем респонденты участвовали в опросе 1,7 раза (минимум — 1 раз, максимум — 2 раза). В ходе работы мы частично сглаживаем эту проблему, учитывая в моделях случайные индивидуальные эффекты респондентов.

Необходимо отметить, что опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ традиционно фокусируется на регионах с высокой плотностью населения, где проще проводить опросы и где проживает большая часть населения России. Это приводит к тому, что данные лучше отражают ситуацию в центральных и западных регионах, но хуже — в восточных и северных. Именно из-за этой особенности данных мы могли не увидеть статистически значимых различий в результатах расчетов предельных эффектов по отдельным регионам.

Также следует упомянуть, что мы использовали два субъективных показателя: ответ на вопрос об удовлетворенности жизнью и ответ на вопрос об оценке состояния здоровья. Удовлетворенность жизнью — это сложный конструкт, который зависит от текущего эмоционального состояния, культурных норм, ожиданий и контекста. Респонденты могут интерпретировать этот вопрос по-разному. Ответы могут меняться в зависимости от сиюминутных обстоятельств, например плохого дня или недавнего положительного события. В свою очередь, оценка здоровья зависит от индивидуальных представлений о том, что значит «хорошее» или «плохое» здоровье. Например, пожилые люди могут считать свое здоровье удовлетворительным, даже если у них есть хронические заболевания. Также ответы не всегда коррелируют с реальным состоянием здоровья, измеренным медицинскими показателями (например, диагнозами или результатами анализов).

Подводя итог ограничениям работы, мы считаем важным подчеркнуть невозможность учета всего спектра факторов в модели. В особенности контекстных — разнообразных событий, как масштабных, так и менее значительных, происшедших в экономике и обществе в рассматриваемый период и оказывавших влияние на удовлетворенность жизнью. За 2015—2022 гг. Россия испытала как

минимум три социально-экономических шока. Кризис 2014—2015 гг., вызванный падением курса рубля и санкциями, привел к резкому снижению реальных доходов и росту инфляции. В этот период низкий доход мог восприниматься респондентами как катастрофа, что повлияло на их оценки удовлетворенности жизнью и экономического благополучия. Пандемия COVID-19 значительно изменила образ жизни, здоровье и занятость населения: массовый переход на удаленную работу, ограничения и изменения в потребительских привычках (например, сокращение расходов на импортные товары) отразились на данных о потреблении и уровне жизни. Кроме того, пандемия могла усилить субъективные оценки стресса и неудовлетворенности. События 2022 г., включая начало специальной военной операции и новые санкции, вызвали дальнейшие экономические и социальные изменения. Девальвация рубля, рост инфляции и трудности в отдельных отраслях повлияли на уровень доходов и занятости, а социальная напряженность могла изменить субъективные показатели, такие как удовлетворенность жизнью или оценка здоровья. Подобные особенности мы частично сглаживаем, оценивая модели на разных временных интервалах и добавляя в модель фиксированные временные эффекты.

Решения о распределении бюджета принимаются непосредственно правительством, и нам представляется, что предлагаемые нами переменные государственных расходов помогают дать представление об эффекте социальной политики правительства. Основной результат, полученный в исследовании, состоит в том, что увеличение расходов на здравоохранение и образование увеличивает степень удовлетворенности россиян жизнью в краткосрочном и долгосрочном периоде, поэтому желательно по возможности увеличивать размеры соответствующих расходов, это поможет сделать россиян более удовлетворенными жизнью.

Список литературы (References)

1. Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 3. С. 19—53.
Ayvazian S. A. (2003) Towards a Methodology for Measuring Synthetic Categories of Quality of Life of the Population. *Economics and Mathematical Methods*. Vol. 39. No. 3. P. 19—53. (In Russ.)
2. Айвазян С. А., Исакин М. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения региона как критерии эффективности социально-экономической политики, проводимой органами региональной власти // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 1. № 1. С. 25—31. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0184.html> (дата обращения: 09.07.2024).
Aivazian S., Isakin M. (2006) Integral Indicators of the Quality of Life of the Region Population as a Criterion of Efficiency of Socio-Economic Policy Conducted by the Region's Administration. *Applied Econometrics*. Vol. 1. No. 1. P. 25—31. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0184.html> (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)

3. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 1. № 2. С. 18—84. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (дата обращения: 09.07.2024).
 Aivazian S., Stepanov V., Kozlova M. (2006) Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories). *Applied Econometrics*. Vol. 1. No. 2. P. 18—84. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)
4. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения эконометрический подход. М.: Наука, 2012.
 Ayvazian S. A. (2012) Analysis of Quality and Mode of Life of the Population: Econometric Approach. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Модели производственного потенциала и оценки технологической эффективности регионов РФ с учетом структуры производства // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 28—44. URL: http://www.cemi.rssi.ru/emm/archive/Ekonom_Mat_metod_2016-1.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
 Aivazian S. A., Afanasiev M. Yu., Kudrov A. V. (2016) Models of Productive Capacity and Technological Efficiency Evaluations of Regions of the Russian Federation Concerning the Output Structure. *Economics and Mathematical methods*. Vol. 52. No. 1. P. 28—44. URL: http://www.cemi.rssi.ru/emm/archive/Ekonom_Mat_metod_2016-1.pdf (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)
6. Андрееenkova А. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189—215.
 Andreenkova N. V. (2010) Comparative Analysis of Life Satisfaction and Its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 189—215. (In Russ.)
7. Балаев А. И. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 8—35. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-8-35>.
 Balaev A. I. (2018) The Impact of Public Expenditure Structure on Economic Growth in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*. Vol. 13. No. 6. P. 8—35. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-8-35>. (In Russ.)
8. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 11—43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf#page=11 (дата обращения 22.04.2025).

- Kamalov E., Ponarin E. (2020) Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 11—43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf#page=11 (accessed 22.04.2025). (In Russ.)
9. Климова А. М., Чмель К. Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические социальные перемены. 2020. № 1. С. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>. Klimova A. M., Chmel K. Sh. (2020) Regional Differences in Subjective Well-being: Does Social Policy Offset the Effects of Inequality in Russia? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>.
 10. Колосницына М. Г., Ермолина Ю. Е. Государственные расходы на образование и экономический рост: межстрановой анализ // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. Р. 70—85. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-70-85>. Kolosnitsyna M. G., Ermolina Yu. E. (2021) Public Spending on Education and Economic Growth: Cross-Country Analysis. *Voprosy statistiki*. Vol. 28. No. 3. P. 70—85. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-70-85>. (In Russ.)
 11. Ласточкина М. А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 132—141. URL: <https://ecfor.ru/publication/factory-udovletvorennosti-zhiznyu/> (дата обращения 21.04.2025). Lastochkina M. A. (2012) Factors of Life Satisfaction: Estimation and Empirical Analysis. *Studies on Russian Economic Development*. No. 5. P. 132—141. URL: <https://ecfor.ru/publication/factory-udovletvorennosti-zhiznyu/> (accessed 21.04.2025). (In Russ.)
 12. Соболева Н. Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>. Soboleva N. E. (2020) Determinants and the Interrelationship Between Job Satisfaction and Life Satisfaction in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>.
 13. Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19—33. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/qpugakw4m2/175289796> (дата обращения 09.07.2024). Tikhonova N. (2015) Russians' Life Satisfaction: Dynamics and Factors. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 3. P. 19—33. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/qpugakw4m2/175289796> (accessed 09.07.2024). (In Russ.)

14. Acar Ü., Tırgil A. (2023). Public Expenditures and Life Satisfaction: Evidence from Turkey. *The Developing Economies*. Vol. 61. No. 1. P. 36—56. <https://doi.org/10.1111/deve.12343>.
15. Bjørnskov C., Dreher A., Fischer J. A. V. (2007) The Bigger the Better? Evidence of the Effect of Government Size on Life Satisfaction Around the World. *Public Choice*. No. 130. P. 267—292. <https://doi.org/10.1007/s11127-006-9081-5>.
16. Bonini, A.N. (2008) Cross-National Variation in Individual Life Satisfaction: Effects of National Wealth, Human Development, and Environmental Conditions. *Social Indicators Research*. No. 87. P. 223—236. <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9167-6>
17. Clench-Aas J., Holte A. (2021) Political Trust Influences the Relationship Between Income and Life Satisfaction in Europe: Differential Associations with Trust at National, Community, and Individual Level. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. P. 1—14. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.629118>.
18. Devarajan S., Swaroop V., Zou H. F. (1996) The Composition of Public Expenditure and Economic Growth. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 37. No. 2. P. 313—344. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(96\)90039-2](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(96)90039-2).
19. Frey B. S., Stutzer A. (2012). The Use of Happiness Research for Public Policy. *Social Choice and Welfare*. Vol. 38. No. 4. P. 659—674. <https://doi.org/10.1007/s00355-011-0629-z>.
20. Greene W. H. (2017) *Econometric Analysis*. New York, NY: Pearson.
21. Hsiao C. (2014) *Analysis of Panel Data*. New York, NY: Cambridge university press.
22. Kasmaoui K., Bourhaba O. (2017) Happiness and Public Expenditure: Evidence from a Panel Analysis. *HAL Working Paper*. URL: <https://univ-pau.hal.science/hal-02625987/> (accessed: 23.01.2025).
23. Kotakorpi K., Laamanen J. P. (2010) Welfare State and Life Satisfaction: Evidence from Public Healthcare. *Economica*. Vol. 77. No. 307. P. 565—583. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2008.00769.x>.
24. Liu H., Gao H., Huang Q. (2020) Better Government, Happier Residents? Quality of Government and Life Satisfaction in China. *Social Indicators Research*. Vol. 147. P. 971—990. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02172-2>.
25. Nordheim O., Martinussen P.E. (2020) Happiness and the Role of Social Protection: How Types of Social Spending Affected Individuals' Life Satisfaction in OECD Countries, 1980—2012. *Journal of International and Comparative Social Policy*. Vol. 36. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1080/21699763.2019.1601586>.
26. Röcke C., Lachman M. E. (2008) Perceived Trajectories of Life Satisfaction across Past, Present, and Future: Profiles and Correlates of Subjective Change in Young, Middle-Aged, and Older Adults. *Psychology and Aging*. Vol. 23. No. 4. P. 833—847. <https://doi.org/10.1037/a0013680>

27. Skrondal A., Rabe-Hesketh S. (2004) Generalized Latent Variable Modeling: Multilevel, Longitudinal, and Structural Equation Models. Boca Raton, FL: Chapman and Hall/CRC.
28. Veenhoven R. (2004) Happiness as a Public Policy Aim: The Greatest Happiness Principle. In: Linley A., Joseph S. (eds.) *Positive Psychology in Practice*. Hoboken, N. J.: John Wiley and Sons. P. 658—678. <https://doi.org/10.1002/9780470939338.ch39>.
29. Wurm S., Tomasik M.J., Tesch-Römer C. (2008) Serious Health Events and Their Impact on Changes in Subjective Health and Life Satisfaction: The Role of Age and a Positive View on Ageing. *European Journal of Ageing*. Vol. 5. P. 117—127. <https://doi.org/10.1007/s10433-008-0077-5>.